Джидда. Кремль. Трамп. Большая картина

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

Анализируя американские дипломатические усилия вокруг российско-украинской войны, важно не забывать о большой геополитической картине, частью которой эти усилия и являются.

Содержание

1 Каждый о своем и все об одном
2 О большой картине почему-то забывают
3 Отношения между крупными государствами самоценны

Очередная неделя принесла новую массу громких заголовков вокруг продолжающихся усилий администрации Дональда Трампа остановить боевые действия между Россией и Украиной. Вначале высокопоставленные делегации из Вашингтона и Киева провели встречу в Саудовской Аравии, первую после скандального общения глав государств в Овальном кабинете Белого дома. Затем спецпредставитель президента США отправился в Москву, где в Кремле обсудил предварительно достигнутые с украинцами договоренности.

Все это сопровождалось множеством официальных заявлений и бесконечным количеством комментариев от неназванных источников из различных столиц. Большинство комментариев и «инсайдов» фокусируются на текущих событиях, задаются вопросом о том, кто и кого поставил в более некомфортное переговорное положение, какие шаги вовлеченные стороны могут предпринять дальше. При этом, как это зачастую и случается, из фокуса внимания уходит большая геополитическая картина, в рамках которой развивается этот процесс. Про нее как будто забывают. Наверное, за неимением времени думать и рассуждать о «космических просторах», когда здесь и сейчас перед нашими глазами льется такой поток информации (и дезинформации).

Каждый о своем и все об одном

Тем более, что текущий поток информации так захватывающе может менять направления и скорость течения. Еще не прошло и двух недель после скандальной перепалки в Белом доме, а американская администрация уже успела вначале приостановить предоставление военной помощи и разведывательных данных Украине и теперь вновь восстановить их. Об этом было объявлено по итогам переговоров между делегациями двух стран в саудовской Джидде.

По словам представителей США, которые впоследствии подтвердили и украинские официальные лица, Киев согласился на требование Вашингтона объявить 30-дневное перемирие, если на аналогичные условия пойдет Россия. При этом, комментируя взятое на себя обязательство, руководство Украины практически сразу стало выражать уверенность, что Москва не согласится на подобный шаг, и потому призвало США усиливать санкции и давление на Россию. Сами переговоры с американцами в Саудовской Аравии многие украинские комментаторы поэтому интерпретировали как своего рода политтехнологичный успех, который позволил переключить основной вектор американского давления с Киева на Москву. По их мнению, Украина больше не воспринимается администрацией Трампа как главное препятствие мирным договоренностям, как это было еще две недели назад.

Возможно, в моменте оно так и выглядело. Подобные формулировки звучали и из самих США, в том числе от Трампа и его госсекретаря Марко Рубио, который заявил, что мяч теперь на российской стороне. Москва же, со своей стороны, очевидно, также попыталась дать политтехнологичный ответ на предложение Вашингтона установить 30-дневное перемирие в качестве первого шага на пути к устойчивому мирному соглашению. Владимир Путин акцентировал, что поддерживает эту идею американского коллеги, но «есть нюансы». Они заключаются в неприемлемости для Москвы любого перемирия, если оно может быть использовано для дальнейшего улучшения позиций Вооруженных сил Украины на поле боя.

> То есть российский президент сказал все то, что от него и ожидали и что, по оценкам Киева, равнозначно отказу от одномоментной приостановки боевых действий. Однако сделал это в такой стилистике, которая как бы принимает американскую игру.

При этом фокус на сделанных обеими сторонами политтехнологичных шагах и повсеместный разбор переговорной хронологии в мировых СМИ и дипломатических кругах, как представляется, способствует чрезмерному сужению аналитических рамок происходящего. Они концентрируются сугубо на текущих действиях и взаимных колкостях, вынося за скобки множество контекстных факторов, которые на самом деле будут иметь определяющее влияние на финальный исход этих событий.

О большой картине почему-то забывают

Например, в рамках такого узкого взгляда на происходящее теряется понимание реальных возможностей и потребностей в этом процессе самих США. Вашингтон начинает восприниматься просто как сильный, активный и во многом беспристрастный медиатор, который в поиске долгосрочных решений готов прилагать всю собственную геостратегическую мощь, чтобы добиться от сторон конфликта необходимых для мира уступок. Очевидно, что сама администрация Трампа именно к такому позиционированию и стремится. Не случайно встреча с украинской делегацией прошла не в Вашингтоне, а на территории третьей страны.

Однако такое позиционирование не в полной мере отражает роль и устремления США. Речь не о том, что звучит от многих российских комментаторов, обвиняющих американские власти в попытке обмануть и заболтать российских коллег, чтобы в итоге продолжать подрывать стратегические интересы Москвы. А о том, что подобная зауженная картина происходящего просто не позволяет понять реальные причинно-следственные связи и, соответственно, к чему они могут привести.

Во-первых, важно точнее оценивать вес и возможности Вашингтона в процессе поиска решений для остановки войны. Как мы не раз уже писали, США остаются державой номер один в мире, но сам мир сильно изменился. Он больше не однополярный.

> Соответственно, быть номером один во все более полицентричном мире не равнозначно первой строчке в рейтинге держав 20-30 лет назад, когда слово Вашингтона по наиболее значимым международным вопросам звучало как окончательное и не подлежавшее обсуждению.

Это очень важно в контексте российско-украинских переговоров.

При администрации Байдена слов и действий США было недостаточно, чтобы направить развитие событий на российско-украинских фронтах в нужном американцам направлении. А сегодня при Трампе их недостаточно, чтобы быстро навязать сторонам конфликта параметры его окончания. Хотя и здесь следует сделать оговорку: недостаточность не означает отсутствие серьезных рычагов влияния. Это также важно для начавшихся дипломатических усилий.

Во-вторых, необходимо помнить обо всей палитре интересов США в этом процессе. А она совсем не ограничивается лишь только рамками российско-украинского конфликта, о чем почему-то забывают или не хотят думать многие как на Западе, так и в Украине с Россией.

Здесь можно провести параллель с тем, как в первые два года войны в западных столицах забывали о большой геополитической картине, когда пытались убедить страны так называемого «глобального Юга» в необходимости занять их сторону в конфликте с Россией.

По какой-то причине многие политики на Западе и в Украине искренне верили, что риторикой об «основанном на правилах мире» и нарративом о бескомпромиссном сражении демократий против автократий смогут уговорить эти страны забыть о всех их интересах и просто следовать в русле западной политики.

Особенно забавно такие рассуждения и дипломатическая активность выглядели в отношении Китая. Вспоминается, как европейские лидеры и высокопоставленные американцы один за одним отправлялись в Пекин, чтобы отговорить Си Цзиньпина от сотрудничества с Москвой или даже добиться от него давления на Кремль с целью остановить боевые действия. Как будто кроме российско-украинского конфликта в мире больше ничего не происходило. Как будто никаких других интересов и озабоченностей у Китая нигде не было. Как будто одновременно с этим американцы и многие европейцы не усиливали подготовку к системному противостоянию с самим Китаем, на которое начинали ориентировать даже НАТО.

Нечто подобное сейчас можно наблюдать и в ожиданиях многих европейцев и американцев от попыток администрации Дональда Трампа остановить вооруженный конфликт между Москвой и Киевом. Их также в основном воспринимают и анализируют, будто бы никаких других факторов, влияющих на интересы Вашингтона нет.

Отношения между крупными государствами самоценны

Но такие факторы есть, и они очевидны. Главный из них можно описать формулой «отношения между крупными державами самоценны», особенно в периоды мировой турбулентности. Это может не нравиться, не соответствовать духу XXI века, но это константа международных отношений, которая не подвластна времени.

Другими словами, в контексте российско-украинской войны для США важно не только то, как именно закончится сама война, в каком положении и в каких территориальных границах она оставит Украину. Хотя и это, безусловно, важно. Но не менее важно и то, какое будущее после этой войны может быть у отношений Вашингтона с самой Россией. Это тем более значимо для США, чем дальше развивается их системная конкуренция с Китаем.

Именно по этой причине, вероятно, Вашингтон сейчас не заинтересован в плотной дипломатической координации с европейцами, никак не привлекает их к переговорам с россиянами и даже не считает необходимым полноценно информировать о их содержании. Такое отношение к союзникам в Европе команда Трампа объясняет тем, что европейцам нечего предложить, ни в плане военного потенциала, ни в плане новых идей.

> Однако еще важнее другое объяснение: для Вашингтона отношения с Москвой имеют самоценность как отношения с крупнейшим актором современного мира, политика которого будет иметь важное (пусть и не определяющее) влияние на будущее противостояния США и Китая.

Если бы эта большая геополитическая картина в анализе администрации Трампа отсутствовала, если бы на российско-украинскую войну там смотрели только в рамках самого вооруженного конфликта, то и с европейскими союзниками Вашингтон сейчас работал бы иначе. Ему было бы необходимо координировать с ними действия и переговорные позиции, чтобы более эффективно давить на Москву.

И точно так же двусторонние отношения с США имеют особое значение для России. Возможно, даже большее, чем для Вашингтона. И именно поэтому, исходя из большой картины, действительно есть шанс, что усилия Трампа по остановке боевых действий будут более успешными, чем если бы такой большой картины не было. Правда, только в том случае, если будущие договоренности можно будет сделать устойчивыми к политической непредсказуемости в самих США.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»